

О реставрации Кремля, выдаче охранных грамот, создании пролетарских музеев и встречах с Лениным по поводу монументальной пропаганды

<http://oralhistory.ru/talks/orh-220-221>

6 октября 1971

Собеседник

Виноградов Николай Дмитриевич

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 6 октября 1971 и опубликована 29 июня 2017.

Введение

С крупным реставратором и московским краеведом Н.Д. Виноградовым Дувакин провел четыре беседы. Вторая беседа была наиболее содержательной. Она произошла в 1971 году, спустя два года после первой записи и имеет самостоятельный характер.

В ней Виноградов рассказывает о реставрационных работах в Кремле, об организации пролетарских музеев, работе по выдаче охранных грамот, о монументальной пропаганде в Москве, о восстановлении в виде музея подпольной типографии на Лесной улице и многом другом. К сожалению, каждой теме не было уделено должного внимания, но именно поэтому содержание беседы является характеристикой Виноградова-рассказчика, вспомиравшего перед микрофоном весьма избирательно. Он интереснее всего рассказывает о зданиях и вещах, а не о людях.

Любопытное описание внешнего вида Николая Дмитриевича дает художник-экскурсовод С.Д. Васильев, близко знавший Виноградова в 20-е годы и записанный Дувакиным в 1981 году. «Живой, розовощекий, с хитроватыми глазами, с вьющейся небольшой светло-русой бородкой, он своим обликом напоминал сельского попака себе на уме, переодевшегося в обычную одежду. Сходство еще увеличивалось тем, что он носил рубашку льняную, косоворотку с соломенной шляпой. Он мне так и показался священником». Это описание внешности Виноградова соответствует и стилю его беседы с Дувакиным: в интонациях Николая Дмитриевича часто сквозит добродушная усмешка.

Комментарии к беседе подготовил историк Дмитрий Споров.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Николай Дмитриевич, прерывая в 69-м году нашу беседу, я надеялся, что она продолжится через неделю. Не мой грех, что прошло два с половиной года. Вы перекрыли все рекорды, даже Шкловского – такой у меня рекорд предыдущий. Ну, это все шутки. Я хочу, чтобы вы сейчас продолжили все, что вы помните, учитывая, что тему я теперь ставлю шире, не только биография Маяковского и близких ему по искусству и лично людей, а тема моя называется шире: «Создание звукодокументов по истории русской культуры первой трети XX века». Вы сейчас прослушали последнюю, четвертую, дорожку из записи 29 апреля 69-го года. Может быть, мы начнем с того, что вы сделаете частные дополнения и замечания, какие у вас возникли. Вы упоминаете о том, кто анималистическим классом руководил, не могли вспомнить фамилию. В связи с отдельными замечаниями Маяковского насчет Милорадовича тоже хотели что-то дополнить. Пожалуйста, вы это дополните, а потом мы перейдем уже к другим, большим, темам. Пожалуйста.

Николай Дмитриевич Виноградов: Значит, по поводу Степанова, там, я что-то не помню... Что вот этим самым классом животных руководил художник Степанов.

В.Д.: Художник Степанов. Он чем известен? Что у него есть?

Н.В.: У него картина в Третьяковке «Лоси около стога сена».

В.Д.: А! Я, по-моему, видел эту картину. Его имя-отчество вы не помните?

Н.В.: Не помню.

В.Д.: Не помните. Нет, потом вы что-то стали говорить в связи с Милорадовичем.

Н.В.: Относительно «Бубнового валета». Это было первое такое выступление левых, но там еще не было супрематистов, беспредметников, а позднее они пошли, и там этим делом как раз занимались Ларионов и Гончарова.

В.Д.: Это уже группа «Ослиный хвост».

Н.В.: Да-да. Это уже лучизм получился и все такое прочее.

В.Д.: Ага. Так что, так сказать, ехидное сравнение Милорадовича, которое было в прошлой записи, опирается, собственно, не на то, что уже тогда было, а только на то, что потом...

Н.В.: Абстракционисты были. Да нет, не было такого, а просто... Я помню хорошо вот эти картины Кончаловского и Машкова. Машков давал натюрморты, яблоки, например, так они казались не натуральными яблоками, а муляжами, сделанными под яблоки (*усмеяется*), но крепко, так сказать. Помню, какой-то художник на одном портрете такую шею загнул, что она вылезала из воротника и прочее.

В.Д.: То есть в их ранних работах были элементы экспрессионистичности?

Н.В. (*задумавшись*): Я бы сказал, это был импрессионизм в русской оправе.

Встреча с Маяковским

В.Д.: Николай Дмитриевич, теперь, вы, рассказав подробно об Училище живописи, ваяния и зодчества, можете сюда вписать личные впечатления от Маяковского, именно в ту пору и там.

Н.В.: Непосредственно о нем?

В.Д.: Да.

Н.В.: Ведь я с ним встречался и позже, например, в РОСТА, когда уж он, можно сказать, гремел. Тогда он еще не гремел, когда был в школе-то. Около него шума не было никакого, когда он только ходил в оранжевой кофте. В училище он у нас был в числе, грубо выражаясь, хулиганов. Даже со своими резкими выступлениями, обращал на себя внимание вот в таком разрезе, как что-то хулиганистое. Но я с ним лично никаких дел тогда не имел, но помню, что он приходил ко мне на квартиру. Мы жили в Козихинском переулке, на чердаке была устроена квартира из двух комнат. Мы там с Черемныхом жили вместе. Черемных был женат на моей сестре, и я со своей женой — мы образовали своего рода коммуны. И вот ко мне туда заходил Маяковский.

В.Д.: К Черемныху заходил.

Н.В.: Нет, ко мне.

В.Д.: А какие же у него к вам были дела?

Н.В.: По-моему, это в связи с выставкой, которую они устраивали под названием «Мишень». Я так-то не скажу точно. Собственно, я имел большие связи по поводу этой выставки с Ларионовым, а не с Маяковским. Маяковский там принимал участие.

В.Д.: А Маяковский принимал участие в выставке «Мишень»?

Н.В.: Как будто принимал. Это можно узнать. Каталог этой выставки у меня есть.

В.Д.: Есть у вас каталог выставки «Мишень»?

Н.В.: Да. Собственно, сейчас у меня каталог забрала внучка. У меня сейчас внучка кончает Архитектурный институт. Она сейчас очень интересуется этим периодом. Всю литературу, которая у меня была, она забрала.

В.Д.: Ну, слава богу! Значит, у вас каталог не выбросят.

Н.В.: Нет, нет (*усмехается*). Это пока что уцелеет.

В.Д.: Знаете, как сейчас картины из музеев возвращаются?

Н.В.: Очень хорошо знаю. У меня как-то в прошлом или позапрошлом году... Был такой клуб комсомольский, «Родина» назывался. Они у меня взяли на выставку пряники и не вернули. Почему-то этот возврат прошел через мастерскую Глазунова, с которым я не знаком и его не знаю. У него эти пряники застряли. Он их, как говорится, присвоил. Так у меня кто-то из знакомых в разговоре сказал, что он видел у Глазунова на стенке тот самый пряник, который он видел у меня. Вот так вот. Во всяком случае, вот такое отношение: просят, клянутся, что возвратят всё в целости, а в результате...

В.Д.: Если другой коллекционер присвоил — это еще полбеды. Еще хуже, когда попадает в руки людей, которым вообще наплевать на все эти наши культурные памятники, которые считают это чудачеством. Вот вы вспоминали, что даже квартиру Ленина пришлось восстанавливать. Вот расскажите об этом.

Квартира Ленина в Кремле

Н.В.: Это как раз описано в воспоминаниях коменданта Кремля Веденина. Он описывает, что, когда он принимал Кремль в свое ведение, он нашел, придя в помещение квартиры Ленина, что она занята машинистками. Сталин поместил там машинисток, которые обслуживали Совнарком. Библиотеку Ленина он нашел под лестницами, сваленную в кучу, накрытую каким-то...

В.Д.: Это вы говорите, опираясь на Веденина? У вас собственных по этому поводу материалов в памяти нет?

Н.В.: На Веденина, да. Из встреч с Лениным у меня как-то нет. Я на квартире у него не бывал, я с ним всегда встречался у него в кабинете. Тут был такой случай, когда в Кремле при Веденине была поставлена мемориальная доска на здании, которое Ленин первые недели занимал в Кремле. Потому что та квартира, в которой он жил, была занята сторожами судебных установлений и была в таком ужасном состоянии, как пишет Крупская, что пришлось ее ремонтировать. Пока ее ремонтировали, они жили в так называемом Кавалерском корпусе, занимая две комнаты. Вот на этом доме при Веденине была поставлена мемориальная доска, что «здесь жил Ленин в марте-апреле 18-го года». И он предложил желающим посмотреть эти комнаты. Эти комнаты оказались над комнатами, в которых помещался Наркомат имуществ Республики, в котором я тогда работал.

”

Мне один из помощников наркома, художник Орановский, рассказывал, когда Ленин выбирал себе помещение, он просил дать ему такое помещение, из которого было бы три выхода. Понимаете? Время — то было такое: сегодня — ты, а завтра — нет.

Так что я пошел не только посмотреть эти комнаты, а именно проверить, правильно ли мне говорил товарищ. Оказалось, да, три выхода. Выход, в который мы входили, вел прямо с улицы в переднюю, из которой была лестница на второй этаж, где помещались эти комнаты, оттуда черный ход был во внутренний кремлевский двор, и третий выход — во Дворец, по коридору...

В.Д.: Это в верхней двухкомнатной квартире?

Н.В.: Да, двухкомнатной квартире. Там они и жили, пока ремонтировалось то помещение, которое восстанавливал Веденин с помощью товарищей, которые работали с Ильичом, в частности, с помощью Фотиевой, Манучарьянц — это секретари тогдашние, и еще других лиц, которых я не знаю.

В.Д.: Это то помещение, где сейчас официальный музей?

Н.В.: Да, официальный Музей-квартира Ленина.

В.Д.: Да. Тогда же в Кремль вообще не пускали, и музея не было.

Н.В.: Там не было музея, да. Например, помещение Совнаркома, в котором я был три раза на заседаниях Совнаркома, при Сталине расширили. При Ленине стояло два параллельных стола, сидели с обеих сторон, а в конце этих столов был столик Ленина, как бы в промежутке, получалась п-образная штука. Так теперь показывается расширенное помещение Совнаркома, в котором один большой стол, а тогда было два стола сравнительно небольших. Так что сокрушили все эти исторические места.

Реконструкция Кремля

В.Д.: Что Кремль сейчас реставрировали снова и внутри, в смысле историческом?

Н.В.: Не реставрировали, а реконструировали: вместо двух монастырей выстроен корпус, в котором помещалась Школа командного состава ВЦИК, у Спасских ворот. Тут же были два монастыря, мужской и женский, Чудов и Вознесенский. Их сломали. На их месте Рерберг Иван Иванович выстроил вот эту школу, в которой сейчас помещается так называемый Кремлевский театр.

Чудов монастырь в Кремле. Храм Чуда Архангела Михаила. Слева – Колокольня, под которой находилась церковь Иоасафа Белгородского. Справа виден собор Вознесенского монастыря. Фото из альбома Н.А. Найденова. Москва, 1882

Чудов монастырь в Кремле. Собор Алексия митрополита и корпус, где находилась церковь Андрея Первозванного. Фото из альбома Н.А. Найденова. Москва, 1883

Вознесенский монастырь в Кремле. Екатерининский храм. Москва, 1882

В.Д.: Он уже выехал, по-моему, оттуда. Там уже что-то другое.

Н.В.: Может быть. Во всяком случае, там был этот Кремлевский театр. А потом вот последняя посохинская постройка тоже... Корпус, в котором жил Ленин первые-то годы, сломали, оставили только кусочек вот этой двухкомнатной квартиры. Так что помещение наше, где я работал в наркомате, осталось только потому, что над ним были две комнаты, занимавшиеся Лениным. А остальной корпус сломан, все застроено Дворцом съездов. В Кремле сломана так называемая Стрелецкая караульня у Спасских ворот, здание XVII века, потом сломана церковь... Забыл, как она называется.

В.Д.: Спаса на Бору?

Н.В.: Да. Спаса на Бору снесен в 37-м году, когда мы строили зал Верховного Совета в Кремлевском дворце. Для размещения служебных помещений, обслуживающих этот зал Верховного Совета, сломали этот самый Спаса на Бору и там возвели здание в шесть этажей, которое ниоткуда не видать: оно стоит во дворе. Потом поломана церковь Косьма и...

В.Д.: Косьмы и Дамиана.

Н.В.: Нет, это была... Вот сейчас память-то. Между Беклемишевской башней и так называемой Набатной есть башня как раз имени святых, которых там была церковь¹, ее сломали. Потом была церковь около Благовещенской башни — это первая башня от Водовзводной по Москве-реке. «Утоли мои печали», что-то в этом роде, Благовещенская церковь², ее сломали. Так что там поломали очень много, так что Кремль, ленинский Кремль...

¹ Церковь Святых Константина и Елены существовала в Московском Кремле рядом с Константино-Еленинской башней. Уничтожена в 1928 году.

² Церковь Благовещения на Житном дворе была пристроена к Благовещенской башне Московского Кремля. Н.Д. Виноградов ошибается, называя Благовещенскую церковь «Утоли мои печали». Церковь иногда называли «Нечаянной Радостью», потому что в ней до 1917 года находилась особо чтимая в Москве чудотворная икона Пресвятой Богородицы «Нечаянная Радость».

Церковь Константина и Елены в Кремле. Фото из альбома Н.А. Найденова. Москва, 1883

Московский Кремль. Церковь Благовещения Богородицы на Житном дворе. Фото из альбома Н.А. Найденова. 1882

Потом площадь, которую иногда называли Арсенальной площадью, иногда называли Сенатской площадью, потому что с одной стороны находится здание Арсенала, а с другой — здание Сената, так называемое сейчас здание Правительства, на котором красный флаг развевается. Эту площадь превратили сейчас в сквер, там растут деревья, а она была вымощена булыжником. На этой площади как раз был убит Сергей Александрович, московский генерал-губернатор, дядюшка царя, Каляев там его убил.

” Там стоял памятник, который сокрушал Ленин вместе с членами Совнаркома. Как описывает комендант Кремля Мальков, они накинули веревки на этот самый памятник, который был в виде большого бронзового креста, свалили эту штуку, и Малькову пришлось только отволочь этот самый крест туда, где были сложены ненужные вещи.

Памятник крест на месте убийства великого князя Сергея Александровича. Москва, 1908

Так что Кремль такой, ленинский, исчез почти целиком. Там, где ходил Ленин, это все изменилось. Там же был памятник Александру II. Это целое сооружение было, с галереей и все прочее, там фигура Александра была шесть метров в высоту.

В.Д.: Ах, вот как!

Н.В.: Сейчас все исчезло. Кремль преобразился здорово.

Народный комиссариат имуществ Республики

В.Д.: Николай Дмитриевич, это уже совсем в сторону от Маяковского. Вот в связи с тем, что вы сейчас говорили, мне бы хотелось... Вы мне в нашем прошлом частном общении рассказывали про комиссариат государственных имуществ, которым, насколько я понимаю, вы руководили одно время, да?

Н.В.: Не руководил, я был помощником наркома.

В.Д.: А наркомом был кто?

Н.В.: Наркомом был архитектор Малиновский.

В.Д.: Так когда существовал этот наркомат? Один год? Вот расскажите эту историю. Она очень любопытна, что в обстановке еще не развернувшейся, но уже начинавшейся гражданской войны советское правительство все-таки предпринимало какие-то меры по спасению материала.

Н.В.: Так большие меры.

В.Д.: Рассказывайте, руководствуясь одним только принципом: возможно точнее и правдивее, не сгущая, не приукрашивая, как было.

Н.В.: Нет, я не склонен ни сгущать, ни украшать.

В.Д.: Нет, вы человек очень объективный.

Н.В.: Беспристрастный. Наркоматы организованы были по министерствам: Министерство просвещения — Наркомат просвещения, Министерство путей сообщения — Наркомат путей сообщения. Было такое Министерство императорского двора и уделов. Так на основании этого министерства был организован Наркомат государственных имуществ.

В.Д.: Ага! Понятно.

Н.В.: Причем первым наркомом был Каверин, левый эсер.

В.Д.: Каверин или Кавелин?

Н.В.: Каверин.

В.Д.: А не Кавелин? Каверин — сейчас есть писатель. А эсер, насколько мне помнится, был Кавелин³.

³ Виноградов и Дувакин ошибаются. Первым наркомом государственных имуществ был эсер Владимир Александрович Карелин. Далее по тексту указана правильная фамилия.

Н.В.: Ну, возьмите так, я не настаиваю на точности, я могу и немножко изменить название, это возможно. Во всяком случае, Министерство императорского двора и уделов превратилось в Наркомат государственных имуществ. Значит, в ведение этого наркомата что входило? Всё, что называлось императорским: Императорская Академия наук, Академия художеств, институты, театры. По линии удельного ведомства в наркомат входили удельные земли. Вот по Казанке станция Удельная — это там громадное лесное хозяйство было удельного ведомства. Затем сюда входили конные заводы, заповедники, в смысле запрещения охоты и прочее, вроде Беловежской пушчи. Это все входило в этот наркомат.

Когда был заключен Брестский мир, то левые эсеры, входившие в Совнарком, отказались работать. Карелин отошел от этого дела. Это совпало с переездом правительства в Москву, так что в Москву Наркомат имуществ Республики приехал без наркома. А здесь, в Москве, был свой Совнарком — так называемый Совнарком города Москвы и Московской области. Здесь свои были наркомы: нарком по иностранным делам, нарком по государственным имуществам, который ведал, скажем, всеми дворцами, Кремлем и все прочее. Этим делом здесь ведал архитектор Малиновский.

В.Д.: Николай Дмитриевич, я вас перебыю, хотя это, очевидно, не новость и это известно, но я не совсем понимаю. Как же, существовало два Совнаркома?!

Н.В.: Не два, а двадцать два Совнаркома! Правительство уехало из Петрограда — на месте остался Совнарком Северной области. Луначарский-то работал там в Совнаркоме.

В.Д.: «Северная коммуна» называлась?

Н.В.: Да-да-да. И он имел собственный Совнарком.

В.Д.: Значит, это до принятия Конституции РСФСР?

Н.В.: Да-да-да.

В.Д.: Что же, существовало такое федеративное устройство без центральной власти? Но неужели это распространялось даже на наркомов иностранных дел? Чичерин или кто там был? Первый — Троцкий, потом — Чичерин.

Н.В.: Это в Совнаркоме...

В.Д.: Петрограда.

Н.В.: Да-да. В основном, так сказать, государственном Совнаркоме. А здесь был не то Покровский, не то Фриче, кто-то из этих был наркомом иностранных дел. А вот государственным имуществом ведал архитектор Малиновский. Он сначала был назначен гражданским комиссаром Кремля, потом, когда правительство сюда переехало, то его назначили исполняющим обязанности наркома государственных имуществ. Вот как раз с ним-то я и работал. Я поступил в наркомат 25 апреля 18-го года.

В.Д.: Только когда уже переехал?

Н.В.: Да-да.

В.Д.: Тогда вы ошибаетесь, связывая это с левоэсеровским путчем, потому что левоэсеровский...

Н.В.: Нет-нет-нет. Вы оговариваетесь. О путче я ничего не сказал.

В.Д.: А заключение Брестского мира?

Н.В.: Я только сказал, что левые эсеры вышли из Совнаркома.

В.Д.: А разве это не было связано с выступлением?

Н.В.: Нет-нет-нет! Это, вообще, было в Петрограде. Когда правительство приехало сюда, левые эсеры вернулись, понимаете ли, но Карелин не вернулся, потому что на его место был назначен Малиновский.

В.Д.: Вот Карелин был, Прошьян был эсер в Совнаркоме, Спиридонова была.

Н.В.: Спиридонова и так далее, да-да-да. Там много было их. Но только как? Вот Спиридонова была, например, заместительницей наркома земледелия. И в таком положении были и другие.

Значит, вот все эти имущества охранялись специально, все сразу было взято под своего рода государственную охрану.

В.Д.: И были у вас средства для этой охраны? Что, воинские части какие-то? Кто охранял-то реально?

Н.В.: Я не знаю, как в целом, я в Петрограде в это время не был. А в Москве...

В.Д.: Вот в Москве. Как было при вас, что вы помните?

Н.В.: Во-первых была замечательная работа, начатая комиссией по охране... Как только образовался Моссовет, даже еще не Моссовет, а был революционный комитет, который принимал участие во время...

В.Д.: Октябрьской революции?

Н.В.: ...борьбы с эсерами, в Москве, то есть когда протестовали против Советской власти, это вначале в самом, в 17-м году.

В.Д.: Когда саботаж был?

Н.В.: Да-да. Еще в 17-м году, в ноябре месяце, уже была образована в Революционном комитете Комиссия по охране памятников истории и искусства. Понимаете?

В.Д.: Так. И кто ж там был?

Н.В.: Вот это как раз так было. Сначала эта Комиссия была поручена Малиновской, жене Малиновского. Они оба были старые большевики.

В.Д.: Так это какой Малиновский? Это не Богданов?

Н.В.: Нет-нет-нет. Просто Малиновский. Это свое имя — Малиновский.

В.Д.: К Богданову и к провокатору Малиновскому тоже отношение не имеет?

Н.В.: Это которого прошлепал Ильич? Нет, никакого абсолютно. То рабочий был. Так вот, эта комиссия, московская, поручена была Малиновской, а затем Малиновскую нагрузили государственными театрами. Она ведала театрами, она была заведующей всеми театрами Москвы, а потом даже, кажется, была заведующей всеми театрами вообще. Эта Малиновская была в комиссии недолго. Затем передали это дело Малиновскому, который в это время был назначен гражданским комиссаром Кремля. Ему дали вторую нагрузку — председательствовать в Комиссии по охране памятников искусства и старины. И теперь, когда переехало правительство, еще третья нагрузка была: он стал исполняющим обязанности наркома государственных имуществ. Вот такой клубок.

В.Д.: И вы были его заместитель?

Н.В.: А я был его заместителем. Но я пришел к нему, помню хорошо, 25 апреля 18-го года. Теперь вы говорите, долго ли существовал наркомат. V съезд РСФСР⁴, который принял конституцию ленинскую, постановил слить Наркомат имуществ Республики. Из Наркомата имуществ Республики все, что имело дело к образованию и искусству, передать в Наркомпрос, а все, что имело хозяйственный характер, скажем, эти конные заводы, вот Массандра с вином и все прочее — все это передать в Наркомзем, а наркомат ликвидировать. Эта ликвидация произошла в августе месяце 18-го года.

⁴ V Всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов, 4 — 10 июля 1918, Москва.

В.Д.: Значит, всего — май, июнь, июль, август — пять месяцев.

Н.В.: Меньше года.

В.Д.: Если того же года... В апреле вы пришли...

Н.В.: Нет. Это я был там, а наркомат существовал, начиная с 17-го года.

В.Д.: Ну, понятно, значит, почти год.

Н.В.: Почти год, но меньше года.

Выдача охранных грамот

В.Д.: Так. Что же вы делали? «Такая была, — вы начали говорить, я вас перебил, —проведена замечательная работа...» Кем?

Н.В.: 25-го я подал заявление в наркомат, что я предлагаю свои услуги. 26-го состоялось заседание Коллегии Наркомата имуществ Республики, на которой были распределены функции помощников. У нас был помощник по административно-хозяйственной части, это был товарищ Флаксерман, сейчас еще живущий.

В.Д.: Так он жив разве еще?

Н.В.: Да-да.

В.Д.: Это брат Галины Константиновны Флаксерман?

Н.В.: А я не знаю.

В.Д.: Его звали как?

Н.В.: Не помню. А по делам искусства был я. И вот здесь я продолжал работу по учету и выявлению частных художественных имуществ. Представляете себе, всякие музеи, все прочее — это всё были организации, уже работающие. А вот имущество частных лиц не было учтено совсем. Так вот, было замечательно остроумное мероприятие. Оно началось в Комиссии по охране памятников и персонально попало в Наркомат имущества Республики Малиновского. Это была выдача охранных грамот. Мы выдавали охранные грамоты на имущество. Они гарантировали занятие помещений от реквизиции.

В.Д.: Гарантировали, что не будут реквизированы?

Н.В.: Да.

Охранная грамота выдавалась при предоставлении полного списка художественных и исторических имуществ. После того, как наши агенты проверяли эту опись, тогда только выдавалась эта самая штука.

В.Д.: Как здорово!

Н.В.: Причем оплачивалась пятнадцатью рублями.

В.Д.: Кто кому платил?

Н.В.: Эти владельцы платили за охранную грамоту. Так что мы располагали такими вот средствами, кроме государственных.

В.Д.: Вот по такой охранной грамоте, например, до сих пор существовала усадьба Мураново.

Н.В.: Да-да, совершенно правильно.

В.Д.: И кто подписывал эти грамоты?

Н.В.: Подписывал нарком, а потом, когда появился я, я начал подписывать эти штуки.

В.Д.: А вот они говорят, что у них Ленин подписал, Мураново.

Н.В.: Значит, эта грамота была выдана, когда был уже ликвидирован наркомат. Это уже проводил Наркомпрос. Наркомпрос сам не выдавал, а проводил это через Совнарком.

В.Д.: Тогда как раз две дамы были: Троцкая и Каменева. Они этим делом заправляли.

Н.В.: Вот. Каменева — это сестра Троцкого.

В.Д.: Я знаю. И жена его тоже была по культурной части, что-то делала по музеям.

Н.В.: Она ведала отделом музеев и охраны памятников, у нее главным закоперщиком этим делом был Грабарь.

В.Д.: А! Значит, она все же опиралась на людей понимающих.

Н.В.: Да-да.

В.Д.: Ну, вот, в частности, расскажите о своей работе.

Н.В. (усмехается): От меня она плакала не раз.

В.Д.: А чего же плакала?

Н.В.: Потому что около Грабаря сконцентрировалась вся контрреволюционная бражка. Это были хозяйчики антикварных магазинов. Они все влезли к Грабарю по охране памятников. И бывали случаи, что у нас были разногласия. Помню, как она плакала. Например, в один прекрасный день управделами Моссовета решил, как говорится, свести Троцкую со мной, чтобы не было никаких у нас конфликтов. Сопровождение было в Моссовете. Наталья Ивановна и я. Управделами говорит: «Что вы не можете поделить?» Она ведала всеми охраняемыми памятниками, а я только ведал Москвой одной. Вот после Наркомата имуществ Республики я не пошел в Наркомат просвещения, а пошел в Моссовет. Я в Моссовете продолжал работать по охране памятников. Вот поэтому я говорю: «С Натальей Ивановной у меня нет никаких недоразумений и никаких столкновений. Мы с ней всегда договариваемся. Но стоит мне выйти из ее кабинета, как туда входят прохвосты и все переворачивают вверх ногами». Вот она говорит: «Какие прохвосты?» — и начинает плакать. Вот такие слезы *(усмехается)*.

В.Д.: Какой грубиян вы были.

Н.В. (смеется): Одним словом, такие были.

Подмосковные усадьбы и музеи помещичьего быта

В.Д.: Я помню давно, когда мы только начинали знакомство, вы рассказывали, что вы спасали какие-то ковры из усадеб, как мужички старинные ковры делили.

Н.В.: А! Да, были такие случаи, были. Это в Саратовской губернии было большое имение Голицыных, очень богатое, не помню, как оно называлось. Когда наши сотрудники туда приехали, то оказалось, там ликвидировано все имущество. И ковры как раз разрезали по душам: столько-то вершков решили на душу, отрезали куски. Там пять человек — столько-то, а если десять человек — столько-то, если один — такую полоску. Одним словом...

В.Д.: А на что же они нужны были?

Н.В. (смеется): Аллах их ведает! Нужно ликвидировать, так ликвидируем.

В.Д.: Так это что же, мужички самостоятельно делали или власть?

Н.В.: Это был тамошний совет села, где помещалась эта самая усадьба. Там вот они такую штуку провели.

Они не бесплатно это давали, а за плату. Причем так. Скажем, обычный кухонный глиняный горшок стоил значительно дороже, чем итальянский инкрустированный столик, и тому подобное.

Или нашим сотрудникам было предложено выкупить эти вещи, так как был составлен список, кто что купил и за какую цену. Так что мы туда посылали деньги и там покупали вещи от крестьян. Вот были номера такие исторические *(усмехается)*.

В.Д.: Да, это, конечно, очень своеобразный кусочек.

Н.В.: Путем выдачи охранных грамот... Мы выдали около трех тысяч штук этих охранных грамот. Причем охранные грамоты

в наркомате выдавались на всю территорию.

В.Д.: Но они действенные были?

Н.В.: Знаете, как действенны! В 29-м году ко мне приходит архитектор (высочила фамилия, я вспомню, тогда скажу) и говорит: «Нельзя ли еще визировать эту вашу охранную грамоту?» Мной подписанную. Я в это время работал в МОНО, тоже по охране памятников, но только я ничем не распорядился. Я его спрашиваю: «Неужели она действует?» — «Как же, до сих пор действует!» Понимаете ли? У него квартира была уплотняема совершенно. Ну, я пошел к секретарю, секретарь наложил визу, что грамота сохраняет свою силу, штемпель и дату поставил. Видите, какие были прочные грамоты (*усмехается*).

В.Д.: Это интересно, да. И что же, свозили из усадеб художественные ценности?

Н.В.: Да. Там так было. В усадьбах Подмосковья были организованы так называемые музеи помещичьего быта. Вот даже в Суханове, где я отдыхал, был такой музей. В усадебном доме сохранялось всё, что там было, всё, что висело на стенах, стояло в шкафах. Всё это сохранялось и демонстрировалось, пускали публику, как в музей. Можно было приехать посмотреть, что это такое. А потом пошла линия ликвидации этих музеев. Еще был такой молодой искусствовед Згура. Он организовал Общество изучения усадеб и выпустил серию книжечек «Подмосковные музеи». Там целый ряд музеев, которые сейчас уже не существуют. В частности, вот совсем сейчас в Москве, в Покровском-Стрешневе, усадьба Глебовой-Стрешневой. Там тоже был такой музей в доме, так что начиная отсюда... Но некоторые сохранились, сохранился Архангельский. Вы знаете? Это голицынская усадьба.

В.Д.: Архангельское знаю.

Н.В.: Вы его знаете. Ну, Кусково и Останкино... Тут у нас уже всё, как было. А вот из таких мелких музеев — это Мураново, Абрамцево, музей Поленова в Тарусе.

В.Д.: В Тарусе. Вот этот музей я знаю хорошо. А вот из несуществующих назовите, какие были.

Н.В.: Вот я уж вам называю. Вот Покровское-Стрешнево, Суханово, Марфино, скажем.

В.Д.: Марфино? Это где?

Н.В.: Это по Савёловской дороге усадьба. Одним словом...

В.Д.: А затем, когда их ликвидировали, вас уже не было?

Н.В.: Их ликвидировали и передавали имущество в существующие московские музеи. По преимуществу материал такого исторического порядка шел в Исторический музей, а шедевры какие-то, если бывали, уходили в Третьяковку или в Музей изобразительных искусств и так дальше.

В.Д.: А в Петербург сдавали, в Эрмитаж?

Н.В.: Эрмитаж так оставался. Нет, в Петербург не сдавали.

В.Д.: Так что эти мероприятия пополняли коллекции основных музеев?

Н.В.: Это усадьбы. А вот собрания разных частных лиц в Москве поступали, либо открывались как самостоятельные. В частности, было большое собрание французской живописи — это Морозова, где сейчас Академия художеств, и Щукина — это в Знаменском переулке, около Министерства обороны.

В.Д.: Ах, Щукина там было? А я думал, что это было на Кропоткинской, что это и есть Щукина.

Н.В.: Нет, на Кропоткинской — это Морозова.

В.Д.: А в доме Перцова, около бассейна теперь, это что было? На углу Нижнего Лесного, такой расписной дом.

Н.В.: А! Это Цветкова, галерея Цветкова⁵. Там русская живопись. Это все ушло в Третьяковку.

⁵ Дувакин по ошибке спросил про доходный дом Перцова, а Виноградов рассказывает про рядом расположенный особняк И.Е. Цветкова, в котором хранилась коллекция картин.

Пролетарские музеи

В.Д.: Николай Дмитриевич, у нас с вами в разговоре всплыла еще одна тема — история организации музеев революции.

Н.В.: Нет, пролетарских музеев.

В.Д.: Вот, ну это одно в другое переходит?

Н.В.: Нет.

В.Д.: Ах нет, «пролетарские музеи» это я такого выражения никогда не слышал. Так что это такое? Расскажите. Этокакая-то самостоятельная глава.

Н.В.: С переездом правительства в Москву⁶ наступила такая стихийная линия занятия особняков, вот переезжающих из Петрограда...

⁶ 26 февраля 1918 г. Совнарком принял постановление об эвакуации всех правительственных учреждений в Москву, а 11 марта произошел основной переезд.

В.Д.: Учреждений? Под учреждения, да?

Н.В.: Нет, не под учреждения, а под жилье, да и под учреждения тоже самое. Нам дан был приказ: освобождать их от художественных ценностей в срочном порядке и...

В.Д.: Вам — то есть управлению...

Н.В.: Нет. Комиссии по охране памятников искусства и старины. И нужно было именно срочно вывозить, потому что если к определенному часу не успеем, то въедут туда, и получить оттуда будет трудно. Мы вывозили художественные и исторические ценности в музей. Причем так. Особняк содержит в себе мебель, бронзу, картины, библиотеку и тому подобное. Все это мы забирали и везли в ближайший музей — Исторический, или Румянцевский, или куда-нибудь в другой.

В один прекрасный день наши музеи взвыли — мы их забиваем ненужными вещами. «Вы, — говорят, — дайте нам возможность отобрать, и мы тогда будем получать то, что нам нужно». А нам дают срок — немедленно это сделать. Тогда Моссовет дал нам помещение куда вывозить. Это в переулке около Курского вокзала, бывшие какие-то склады шерсти, бетонные помещения такие обширные⁷. Мы туда стали свозить. Дело подходило к первой годовщине Октября. На одном из заседаний президиума мне говорят: «Знаешь что, ты вот вывозишь... Ты показал бы то, что ты вывозишь! А то мы даем деньги...» Тогда транспорта своего Моссовет не имел, транспортом пользовались наемным, деньги отпусались и все прочее. Я говорю: «Дайте помещение, мы вам тогда устроим выставку из тех вещей, которые мы вывозим». Товарищ Владимирский, в это время ведавший жилищным отделом...

⁷ Склад первоначально находился в Яковлевопостольском переулке, затем — в I Пролетарском музее.

В.Д.: Это тот Владимирский, который был наркомздравом?

Н.В.: Да, который потом заменил Семашко.

Н.В.: Врач. Михаил Федорович. Он говорит: «Знаешь что, у меня сегодня выехали турки, — турецкое консульство было в Москве, — они уехали. Они занимали особняк виноторговца Леше на Большой Дмитровке (теперь Пушкинской улице). Посмотри, если подходит, я тебе сейчас же выдам ордер». Я пошел посмотреть.

” Буржуазный особняк, отделка чисто буржуазная: штофом обитые стены, потолки раскрашены с позолотой. Одним словом, чисто буржуазные штуки. В то же время сарай при этом доме, каретник, набит битком дровами. Это как раз в то время, когда у нас не было ни щепки. Значит, теплое помещение.

Я говорю, что подходит. Он выдал мне ордер, и мы устроили там выставку к первой годовщине Октября. Там у нас был такой отдел фарфора, отдел цветного стекла. Потом был восточный отдел. Зал был затянут коврами персидскими и другими. На этих коврах было развешено арабское и другое оружие. Тут же были китайские бронзовые вазы, японская резная кость. Одним словом, что твоей только душе хочется. Получилась очень интересная такая выставка.

В.Д.: Просто раритетов таких. Просто диковинок.

Н.В.: Да. Значит, 6-го ноября, накануне праздника, я зашел посмотреть, что там у нас делается, и к своему изумлению, вижу, на воротах висит вывеска — «Первый пролетарский музей». (Лауза)

7-го ноября товарищ Владимирский открывал этот музей. Правда, посетителей у нас было очень не много, что-то три или четыре человека, ну и весь штат комиссии по охране памятников присутствовал на этом открытии. Одним словом, мы открыли Первый пролетарский музей⁸. Появилось вот то, о чем вы не слышали.

⁸ Реакция на появление новых музеев была весьма разнообразной. О1-м музее пресса писала: «Страшное сочетание всех этих вещей производит впечатление антикварной лавки... Музей этот <...> не доступен широким массам и совершенно не отвечает своему назначению». (ЦАЛИМ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 16. Л. 4.)

В.Д.: Никогда не слышал, что такие были.

Н.В.: Ну, в этот пролетарский музей мы стали свозить эти реквизируемые вещи. В один прекрасный день наши районы отказались нам выдавать вещи. Они говорят: «Мы сами хотим иметь свои музеи, районные». Мы пошли на встречу, говорим: «Пожалуйста, давайте помещение, и мы вам из ваших же вещей организуем музей». Районов было восемь в Москве. И мы организовали восемь пролетарских музеев⁹.

⁹ I Пролетарский музей Городского района (Б. Дмитровка, 24); II Пролетарский музей Замоскворецкого района (Пятницкая, 12); III Пролетарский музей Краснопресненского (Сущевско-Марьинского) района (2-й Марьинский пер., 4); IV Пролетарский музей Хамовнического района (Троицкий пер., 6); V Пролетарский музей Рогожско-Симоновского района (Гончарная, 30); VI Пролетарский музей Сокольнического района (3-я Мещанская, 6); VII Пролетарский музей Баумановского (Басманного) района им. А.В. Луначарского (Старая Басманная, 26); VIII Пролетарский музей Благуше-Лефортовского района им. В.И. Ленина (в Лефортове, Введенская пл.).

В.Д. (перебивает, с удивлением): Что вы говорите!

Н.В.: Да. Кроме того, в районах иногда находились целые большие коллекции, которые мы открывали для обозрения публики. Например, в Замоскворечье была фабрика Брокер. Это такая парфюмерная фабрика. У Брокера была целая коллекция, целая галерея картин и мебели, такая стильная, и все прочее. Мы это не стали вывозить, а просто открыли как филиал Замоскворецкого музея¹⁰. А сам Замоскворецкий музей пролетарский был у нас вторым, помещался на Пятницкой, 12. И таких отделений при восьми пролетарских музеях было не то шесть, не то четыре¹¹. Например, в Сущевско-Марьинском районе, на Мещанской жил некий потомок Пожарского¹². У него была большая коллекция вышивок, бисерных и кружевных. Мы открыли как филиал 6-го пролетарского музея, который находился на 2-ой Мещанской улице. Таким образом, у нас получилось восемь пролетарских музеев с рядом отделений, которые профункционировали до такого момента, когда понадобилось помещения освободить, и постепенно эти музеи были ликвидированы. Последним из них был ликвидирован Первый пролетарский музей¹³.

¹⁰ Коллекция основателя известной парфюмерной фирмы А.А. Брокера экспонировалась в открытом 1 апреля 1920 г. филиале Замоскворецкого музея (Мытная, 17).

¹¹ Филиалов было шесть.

¹² Пожарский Александр Константинович – потомственный дворянин, коллекционер вышивок, бисера и кружева. Работал хранителем в своей квартире –1-я Мещанская, 5, кв. 11, которая была преобразована в филиал Сокольнического музея.

¹³ Ликвидация и реорганизация пролетарских музеев завершилась в 1924 г.

В Первом пролетарском музее помещалась, между прочим, группа памятника Степану Разину, который открывал Ленин на Лобном месте, работа Конёнкова. Она стояла в этом музее. В это же время был организован Музей революции. Это уже был, значит, 23-й год. Этого Разина отправили в Музей революции. Так что наши пролетарские музеи просуществовали...

В.Д.: Пять лет. С 18-го года до 23-го — пять лет.

Н.В.: Да, с 18-го. Правильно, правильно. Вот, пять лет.

Выступление Ленина во время открытия памятника Степану Разину. Автор памятника С.Т. Конёнков в черной шапке стоит справа от Лобного места и слева от столба. Москва, 1919

В.Д.: Нигде об этом... А народ туда ходил?

Н.В.: А как же! Я был в Первом пролетарском музее, когда был какой-то профессиональный съезд в Доме Союзов. И вот в антракте между заседаниями делегаты пришли в этот Первый пролетарский музей и в разговоре со мной выразили большое изумление: «Мы думали, что все это разграблено, а оказывается все это находится в музеях, и в музеях, которые принадлежат народу». Вот помню хорошо этот разговор.

В.Д.: Да. Это вы большое дело делали. Только что дальше из этого было?

Н.В.: Огромное. А потом при ликвидации это все пошло в центральные музеи.

В.Д.: А это не растащили потом при ликвидации?

Н.В.: Нет. Это все пошло в центральные музеи. Это ликвидировалось организованно, честь честью. Музейщики приходили туда и... Если бывали экспонаты, не заслуживающие того чтобы помещать в музей, то они передавались в фонд МОНО, которое устраивало аукционы этих вещей.

В.Д.: Это уже НЭП шел?

Н.В.: Это уже дальше.

В.Д.: При «Праге» был аукцион.

Н.В.: Совершенно правильно. Вот таким вот образом.

В.Д.: И там продавали какой-нибудь подсвечник бронзовый и так далее.

Н.В.: Да, да. Вот что такое пролетарские музеи.

В.Д.: Я нигде не встречал об этом, ни в мемуарах...

Н.В.: Был такой журнал, ежемесячно выходил, назывался «Среди коллекционеров». В этом издании о пролетарских музеях напечатано. О каждом из этих музеев.

В.Д.: А кто же их содержал?

Н.В.: Как кто? Моссовет содержал.

В.Д.: Если был музей, его еще и топить надо было и охранять, значит там былкакой-то штат?

Н.В.: Да, штат был. Моссовет отпускал средства на это.

В.Д.: Это еще пока не было, так сказать, упорядоченного бюджета, до 23-го года, то есть пока все покрывал печатный станок.

Н.В.: Я приходил в Моссовет и объявлял, что вот сегодня мы вывозим такие-то вещи, нам нужно десять тысяч рублей. И сейчас же бухгалтерия выпускала мне десять тысяч.

В.Д. (смеется): Благо тогда деньги печатались легко. В 22-м, 21-м году ведь это уже были миллионы.

Н.В.: Да (*усмехается*). Вот у меня на пряниках¹⁴ написано когда, где приобретено и сколько стоит. Это вот во время НЭПа. Так пряник величиной с пятачок изображает птичку в гнездышке, из-под нее высовываются головки птенчиков, сделана из белого теста, носики покрашены красной краской у этих птичек, у мамы и у деток, а внизу написано: «Приобретено на Сухаревском рынке. Один миллион рублей штука».

¹⁴ В 1910-х – 1920-х Виноградов коллекционировал русские народные пряники, сохранившуюся часть которых передал в Музей этнографии в Петербурге.

В.Д. (Сквозь смех): Какая прелесть! Вот вы в период паузы очень интересно заговорили о бытовом облике НЭПа. Вот хорошо бы, чтобы это попало. Что такое был 23-й год? Когда это все появлялось, я действительно был тогда еще...

Н.В.: Комиссия проделала колоссальную работу по архитектуре¹⁵. Мы выявили наличие старых деревянных домов, выстроенных после пожара 1812 года.

¹⁵ Такую работу комиссия проводила в 1919 – 1921 гг.

В.Д.: Это не очень старое, значит? Ах, деревянная...

Н.В.: Деревянная. Сто лет с хвостиком. Устроили выставку¹⁶, и московская общественность, в особенности архитектурная, была поражена, что оказывается есть целый такой период замечательной деревянной архитектуры.

¹⁶ Выставка «Уходящая деревянная Москва», состоящая из фотографий и чертежей обмеренных зданий была открыта в доме на Б. Дмитровке, 8, где находилась комиссия. Об общих итогах деятельности комиссии см.: Клушанцев Б.М. Охрана памятников в Москве и Московской губернии // Московский краевед. 1928. Вып. 7 – 8

В.Д.: Какой же это период? Это что же 20-е — 30-е годы?

Н.В.: 1813-й, начиная с 13-го года, и по 30-й, 40-й год. Тут был ампир.

В.Д. (с усмешкой): Это то, что сейчас ломают.

Н.В.: Что сейчас ломают в первую голову.

В.Д.: Да это вот кропоткинские переулки.

Н.В.: Да, да. Это по всей Москве было. Буквально из двора во двор проштудировали всю Москву.

В.Д.: И это записано где-нибудь?

Н.В.: Записано было. Напечатано. Был такой журнал «Творчество», издание Московского совета, вот там несколько статей было напечатано по этому поводу.

Создание Музея революции

В.Д.: Ну, расскажите дальше, вы говорили, что участвовали как-то в создании музеев революции с Мицкевичем.

Н.В.: Музей революции, которые сейчас существует. Вот он создан был таким образом. В 23-м году была устроена выставка «5 лет советской власти» в помещении, где сейчас Музей революции.

В.Д.: Да. В помещении Англицкого клуба.

Н.В.: Да, да. Английский клуб. В этом помещении был Отдел заготовок продовольствия милиции. Его оттуда вывели, и там устроили выставку. Что выставляли? Милиция выставляла, какие формы милиционеров были за время революции.

В.Д. (смеется): Господи! Вы помните какие?

Н.В.: Ну как же. Один момент милиционеры имели кепи, как этот...

В.Д.: Как французские войска.

Н.В.: Генерал де Голль. Цилиндрик и козырек прямой. Желтого цвета (*посмеивается*), но костюмы-то были самые разнообразные.

В.Д.: Вначале они вообще не имели формы, ходили в солдатских драных шинелях с винтовками до 23-го года. В 23-м году им надели красные формы, их стали звать снегирями. А помните красные шапочки с барашком светлым, опушенным...

Н.В.: Были, были, да. Красные были. Точно. И там разные другие отделы были. Один зал был посвящен революции. Там фигурировал револьвер, из которого стреляли в Ленина. Документы различные революционные, литература, портреты революционеров, фотографии. Этот отдел захватил публику. Решили организовать музей. Так что милиционеров всех ликвидировали и стали строить Музей революции. А в это время Мицкевич, Сергей Иванович, старый революционер.

Не встречали его?

В.Д.: Да. Я у него из-под носа увез ваши «Окна РОСТА», пользуясь вашим списком.

Н.В.: Мицкевич устроил подобную выставку в помещении ЦК партии, документальную выставку. Эту выставку перетаскивали сюда и организовали Музей Революции РСФСР, а потом он превратился в СССР и так далее.

Подпольная типография на Лесной улице

В это же время я реставрировал подпольную типографию на Лесной улице.

В.Д.: Ах это вы реставрировали? А вы знаете, что, по-видимому, эта типография связана с биографией Маяковского?

Н.В.: Каким манером?

В.Д.: Ведь его же арестовали-то как раз по делу о разгроме в этой типографии.

Н.В.: Нет, эту типографию не разгромили, она была хорошо законспирирована. Она закрылась спокойно, когда уже... Это в 905-м году.

В.Д.: Ах да. Нет, тогда, конечно, не то. Это речь идет о 908-м году.

Дом, в котором находилась подпольная типография. Москва, Лесная улица, 55.

Н.В.: Это была типография, сделанная по желанию Ленина. Когда очень успешно работала типография по имени «Нина» в Тифлисе, то решили устроить подобную типографию в центре России, потому что оттуда, с Кавказа, литературу переправлять было весьма сложно. Решили в центре России сделать, облюбовали Москву и организовали по такому же принципу. Она была в земле, так что туда попасть можно было только через колодец, который был сделан как осушительный, из подвала он устроен был. И из этого колодца можно было на брюхе проползти в самую типографию: по объему всего кубическая сажень, стояла машина «американка». Вот эту всю штуку я восстанавливал. Она была закрыта, заперта, так что мне пришлось делать раскопки там. Деревянные части обгнили, земля осыпалась, так что пришлось провести археологического порядка раскопки, отыскать концы всех стоек и прочее. Мы ее восстановили, как она была. Я имел счастье разговаривать со всеми ее строителями. Этой постройкой ведал двоюродный брат Енукидзе, Трифон Теймуразович Енукидзе. Он руководил этим делом, а типографские рабочие все были грузины. Я с каждым разговаривал, и каждый мне объяснял, что у них там и как было, так что я ее восстановил, как она была.

В.Д.: То есть постройте, вы что нашли людей, которые там работали?

Н.В.: Да. Все они были живы.

В.Д.: А когда это вы делали?

Н.В.: Это было в 23-м году. Она и сейчас функционирует, сейчас они там что-то раздувают. Она помещалась в трехэтажном доме, так вот там чуть ли не освобождают полдома, чтобы расширить музей. Ну, там уже изуродовали после меня: поломали печку, которая там была, изразцовая печка стояла над самой типографией и прочее. Так что там, так же как и везде, уже рука устроителей рационализации прошла. То есть там попортили здорово. Связь я с ними имею и сейчас. Они ко мне иногда звонят, обращаются с вопросами. Мы там при раскопках нашли бочонок с краской, типографской, большую пачку прокламаций к солдатам, напечатанную и не вынесенную оттуда. Затем нашли футляр от пистолета-маузера, который был отобран у одного из участников. Он там поблизости жил. Когда шел в эту типографию, в 5-м году, уже во время восстания у него отобрали этот маузер, а футляр остался в этой самой типографии. Так что все мы восстановили точка в точку, как там было. Этот самый Теймуразович в это время ведал Гознаком и из Гознака нам дал такую же машину, которая стояла в этой типографии. Так что можно было бы там печатать прокламации.

Реставрация Кремля после обстрела

В.Д.: Интересно. Николай Дмитриевич, у вас интересней всего происходит рассказ вот именно архитектурный, о вещах, о зданиях и меньше о самих людях. Естественно, вы сами тут как художник работаете. Это просто очень любопытно. Но все-таки я хочу немножко привязаться, раз уж мы тут... (*Перецелк магнитофона*) С какими еще широкими культурными мероприятиями ваша личная деятельность была связана, ведь вы же очень интересными вещами занимались. Вот как раз продолжение вашей линии по спасению памятников.

Н.В.: Ленин настаивал, чтобы Кремль привести в порядок после обстрела. Там пробиты были башни.

Беклемишевская башня после обстрела Кремля в 1917 году

В.Д.: То есть вы с ленинских времен стали заниматься реставрацией?

Н.В.: Да, да. То есть я лично не вел, я только наблюдал и руководил этой штукой, понимаете ли. Там в это время работал архитектор Марковников.

В.Д.: А, знал такого. Старичок был, длинный такой...

Н.В.: Вот он вел работы. Но в то время саботаж был страшный. Этим саботажем страдал и Марковников, между прочим. Он страшно тянул, медленно делал. Например, художники, которые работали в Народном комиссариате имуществ Республики, там была большая группа добровольцев-художников. Так вот был такой художник Мешков, Василий Никитич, старик. Он выражался так, когда я ему говорю, что вот Беклемишевская башня, там снарядом сорвали верхний шатер. Вот я говорю: «Что будем выдавать?»

«Надо сохранить так, как это есть, — Мешков говорит, — чтобы видно было, что вот мерзавцы даже не остановились перед разрушением такого памятника».

Это сотрудник Комиссариата имуществ Республики, добровольный сотрудник (*усмехается*).

В.Д.: Николай Дмитриевич, закончите вот эту тему реставрационную.

Н.В.: Хорошо. Ленин настаивал на скорейшем приведении Кремля, как он выражался, «в первоначальное состояние», то есть состояние до обстрела. Была сильно разрушена Никольская башня, пара снарядов попала в Спасскую башню, с Беклемишевской башни был сбит верхний шатрик. И затем внутри Кремля вход в Чудов монастырь был разрушен, но больше всего попало в Малый Николаевский дворец, который находился на месте теперешнего корпуса бывшей школы комсостава армии, Красной армии.

Малый Николаевский дворец после обстрела. Москва, 1917

В.Д.: Курсантов ВЦИК, да? Школа ВЦИКа. А она на месте чего?

Н.В.: На месте монастырей. Там монастыри были: Чудов и Вознесенский.

В.Д.: Это где? Около Спасской башни?

Н.В.: Да, да. Весь этот кусок до теперешнего Дворца съездов, тут монастыри помещались. Работы там вел архитектор Марковников, главным образом он занимался Никольской башней. Она особенно была разбита с фасада, так как в нее стреляли пушки с улицы теперешнего 25-го Октября¹⁷ прямой наводкой.

¹⁷ Оговорка – Никольская ул. была переименована в Улицу 25-летия Октября.

Никольская башня после штурма Кремля большевиками. Москва, ноябрь 1917

В.Д.: Эта Никольская, это около Исторического музея, да?

Н.В.: Да-да. Марковников тянул эти работы, очень медленно, ссылаясь на то, что в башне очень много неразорвавшихся снарядов, и он сильно форсировать работы из-за этого не может. Когда Наркомат имуществ Республики, в котором я работал, был ликвидирован, мы покинули Кремль. Кремль был национализирован. То он был в ведении Моссовета, а тут его национализировали, и он перешел в ведение Наркомпроса. Наркомпросовская группа под руководством Наталии Ивановны Троцкой, которая ведала отделом музеев и охраны памятников. Охраной памятников там занималась группа под руководством Грабаря, Игоря Эммануиловича. Так они всячески старались отбрыкаться от этой работы — приведения Кремля в натуральный вид. Они назначили руководителем реставрационных работ одного из латышских стрелков, товарища Ваймана, который никогда никакой архитектурой не занимался, и всячески его тормозили. Так, например, нужно покрыть черепицей было вот этот сбитый шатрик. А ему специалисты из Охраны памятников, архитекторы-саботажники, говорили, что эту черепицу нужно выдержать больше года на солнце, прежде чем класть на крышу. Конечно, всякий, кто работает, знает, что это чушь, потому что раз уж черепица сделана, так ее надо поставить на место, а вовсе не держать на солнышке. Она там уже побудет на солнышке. Вот всячески старались тормозить. Я помню, как раз было заседание всего синклита, там было до десятка архитекторов.

Все в один голос заявляли, что при заделке пробоин нужно оставить контур пробоин как исторический след. То есть закладку сделать углубленной на некоторую величину. Так они сделали с пробоинами на Спасской башне, и в солнечный день ясно видны контуры этих пробитых мест.

В.Д. (одобрительно): Ну что ж...

Н.В.: Это исключительно с точки зрения саботажа. Иначе объяснить ничего нельзя. Потому что никому эти самые углубления не интересны, да и не нужны. Так велись реставрационные работы при Ильиче. Мне же пришлось там столкнуться с такими работами только в 29-м году, когда меня специально вызвали в управление коменданта Кремля и поручили вести реставрационные работы по кремлевской стене, которая сильно была обрушена, не разрушена, а обрушена по линии Москвы-реки, со стороны Кремля. Там целые ряды арок рухнули. Их вот пришлось восстанавливать. Однажды было отмечено, что стена от Никольской башни в сторону Спасской раскололась по длине пополам, пришлось этот раскол разобрать. И разобрав этот участок, обнаружили заделанные древние арки. Там, оказывается, бойницы сохранились в два ряда, понимаете ли, на высоте и понизу. Чего сейчас не видно с фасада, а вот со стороны Кремля...

В.Д.: Видно?

Н.В.: Нет, сейчас они тоже были восстановлены заделанными, как и были. Это было против квартиры Сталина, было приказано восстановить так, как они были.

Что же еще по реставрации сказать... Потом мне второй раз, последний раз уже пришлось работать по реставрации в Кремле после войны. Меня пригласили в 45-м году привести в порядок кремлевские здания исторические, которые были покрыты маскировкой, их раскрасили во всевозможнейшие формы. Золотые главы были все замазаны краской. Все это нужно было восстановить. Попутно с удалением маскировки производили и восстановление таких частей, которые....

Монументальная пропаганда

В.Д.: Это уже другая эпоха. Николай Дмитриевич, а вот по монументальной пропаганде, это все закреплено у вас?

Н.В.: Да.

В.Д.: Вы были одним из организаторов этой работы по монументальной пропаганде.

Н.В.: Не организатором. Я, видите ли, был информатор, а не организатор. То есть приходилось, по сути дела, организовывать, но сама работа была поручена Наркомпросу. Наркомпрос должен был делать, а я должен был подталкивать.

В.Д.: Вот этот обелиск, который сохранился до сих пор в Александровском саду, это тоже памятник по плану монументальной пропаганды или нет?

Н.В.: Да. Это обелиск в честь трехсотлетия Романовых.

В.Д.: Ах вот что!

Н.В.: Был построен в 913-м году. На поверхности этого обелиска выпуклыми буквами были перечислены все цари Романовых. Мы их срубили, эти выпуклые, и внутренне вырубили имена революционеров, деятелей революции.

В.Д.: Начиная с Лассалья¹⁸.

¹⁸ Список начинался с Карла Маркса.

Н.В.: Вот. И этот список был составлен профессором Фриче, который работал в Моссовете, в президиуме, и утвержден был Лениным. Ленин из этого списка вычеркнул Соловьёва, а остальных утвердил.

В.Д.: Неужели Фриче вставил Владимира Соловьёва?

Н.В.: Да, да.

В.Д.: Занятно. Это есть где-то в каких-то воспоминаниях о Брюсове.

Н.В.: Да, да. Брюсов тоже принимал участие в этих делах.

В.Д.: Потому что Брюсов настаивал на том, чтобы Соловьёв был, может быть, это он и вставил. Вряд ли Фриче Соловьёва вставил.

Н.В.: Но Ленин его дважды вычеркивал. Наркомпрос составил список, кому поставить памятники, тоже туда включил Соловьёва, но он его тоже вычеркнул.

В.Д.: Ах вот как. Ну да, в Наркомпросе было много людей поколения символистов, для которых Соловьёв — это, конечно, одна из центральных фигур... Это очень здорово.

Н.В.: Он был религиозник, так что он его за это и выкинул.

В.Д.: Да, он был такой мистический философ. Так, ну, с архитектурой всё. Просто я колеблюсь: не попросить ли вас все-таки сжато повторить относительно монументальной пропаганды, где это и что это было. Все-таки самая изюминка ваших воспоминаний.

Н.В.: Да, конечно. Это общение с Лениным.

В.Д.: Можете вы мне так минут на двадцать дать сжатое резюме этой вашей деятельности (*Перецелк*) Декрет о монументальной пропаганде, так?

Н.В.: Да. 12 апреля 18-го года Совнарком утвердил декрет «О памятниках Республики». Так называется декрет, который Луначарский переименовал в декрет «О монументальной пропаганде». Официально декрет называется «О памятниках Республики», и там о монументальной пропаганде слова нет, так что в оригинале этого найти нельзя. В первой его части этим декретом предписывалось снять с площадей и улиц памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг. А вторая часть — относительно постановки: организовать художественную общественность на организацию конкурса памятников деятелям революции, потом деятелям науки, искусства и так далее. Этот декрет был утвержден 12 апреля. Декрет провести в жизнь предлагалось наркомам просвещения и имуществ Республики. Персонально это Луначарскому и Малиновскому. Ильич имел обыкновение проверять, что сделано по постановлениям Совнаркома. Луначарский в это время работал в Совнаркоме Петрограда, такой Совнарком там существовал, а Малиновский находился здесь, работая в Кремле. Имеется вот такая телеграмма. 13 мая, значит, через месяц после издания этого декрета Ленин телеграфирует Луначарскому: «Возмущен до глубины души вашим бездействием в деле проведения декрета о памятниках в жизнь. До сих пор ни одной надписи, которыми должны были быть украшены общественные здания. Требую дать сведения, что делается по декрету»¹⁹.

¹⁹ Текст телеграммы был следующим: «Удивлен [и] возмущен бездействием Вашей и Малиновского в деле подготовки хороших цитат и надписей на общественных зданиях Питера и Москвы. Николай Розенфельд просит [разрешить] дать ему заказ на росписи каких-либо общественных зданий. Дайте Ваше заключение.» (Ленинский сборник. XXI. С. 205).

Через месяц, 15 июня, Ленин пишет письмо в Наркомпрос, требуя немедленно представить сведения, что сделано

по декрету. (*Перещелк*) А 8 июля он ставит в Совнаркоме вопрос о бездеятельности Луначарского, Малиновского и Моссовета в деле проведения в жизнь декрета и предлагает, поставить им на вид и обязать по договоренности выбрать ответственное лицо, которое бы информировало его о ходе проведения в жизнь этого декрета в Москве. Это было 8-го вечером. А 9-го нарком Малиновский, придя в наркомат, сообщил мне: «Мы вчера выбрали вас отвечать за нашу бездеятельность по проведению декрета в жизнь. И вам сейчас поручаем организовать разбор памятника Александра III». Памятник стоял перед Храмом Христа Спасителя. И добавил: «Владимир Ильич просит, чтобы вы пришли к нему. Он хочет с вами познакомиться». Это было 9-го числа. Я сейчас же стал звонить Фотиевой: «Когда Ильич может меня принять?» Она мне заявила, что сегодня ни коим образом, так много дел, что не до меня. Тоже самое она повторила и 10-го числа, а 11-го числа стоял вопрос в Совнаркоме о слиянии Наркомпроса и Комиссариата имуществ Республики. 10-го мы собирались в квартире Луначарского, и там была такая междуведомственная комиссия, которая решила: все, что имеет художественное, историческое значение, передать в Наркомпрос, а то, что хозяйственное, всякие удельные предприятия, — в Наркомзем. И вот это мы должны были доложить в Совнаркоме, чтобы он это утвердил. Так как в повестке, которая была составлена для заседания Совнаркома, наш вопрос стоял первым, то я рассчитывал, что приду пораньше и представлюсь Ильичу. Но Луначарский, по своему обыкновению, опоздал и на этот раз, так что наш вопрос перенесли в конец, как полагалось. И мы просидели целый вечер в Совнаркоме, пока наш вопрос был в пять минут разрешен последним. Как только все стали выходить, я сейчас же подошел к Ильичу, представился. Он, поздоровавшись, посмотрел на часы и говорит: «Знаете, молодой человек, поздноато, вы придите ко мне завтра».

И вот на другой день мне Фотиева сообщила, что Ильич меня примет в три часа. Ровно в три часа я появился у него в кабинете, и он полтора часа беседовал со мной об этом декрете, начиная с того, что он поинтересовался, кто мои родители, кто моя родня, что они делают, где живу и потом моей персоной — что я собой представляю. И, наконец, он спросил, а читал ли я декрет. А декрета я не читал. Я в наркомат пришел работать 25 апреля, имел специальное поручение по выдаче охранных грамот и совершенно не касался этого вопроса. Краем уха как-то я слышал, что был такой какой-то, но читать его не читал. Я чистосердечно сказал ему, что я не читал. Тогда он позвонил Фотиевой и приказал ей принести решения Совнаркома. Та принесла ему эту самую тетрадку, и он мне зачитал это решение от 8 июля, которое я вам уже процитировал. «Вот видите, — говорит, — вы должны меня информировать таким вот образом». Я ему сказал, что теперь имею задание по разборке памятника Александра III. Он еще меня спросил: «А когда же нарком это вам поручил?» Я говорю: «Поручил 9-го числа». «А где же он был до сего времени?» «Ну, это, — я говорю, — дело уже его. Я ничего не могу сказать». Я его информировал о том, что мы сделали. Отвинтили мы, скажем, там ногу, там руку, или там сняли голову и прочее. Так вот это продолжалось до 3 августа. 3 августа он меня вызвал специально для доклада. Ну, я ему рассказал, что мы сделали с памятником, и так далее. Он говорит: «Ломаете, видимо, хорошо, ну а что же нового сделано?» Я говорю: «Нового мне никто ничего не сказал и не поручал, потом у меня никаких документов нет. Я делаю все это на словах». Тут присутствовал управделами Горбунов, Николай Петрович, он ему поручил принести папку с декретами, с постановлениями президиума Совнаркома, зачитал мне это постановление, говорит: «Вот видите, вы отвечаете не только за сломку, но и за постановку». Он распорядился выдать мне мандат на данные работы и снять копию постановления Совнаркома. Все это Горбунов сделал, принес, и Ильич подписал мандат и подписал выписку из Совнаркома: «С подлинным верно. Ульянов (Ленин)».

В.Д.: Она у вас есть...

Н.В.: Два автографа. И поручил немедленно сходить в Наркомпрос и узнать, что у них делается по постановке новых памятников. Там этим делом ведал художник Татлин, я его знал еще по училищу. Я пришел к нему, говорю: «Давай-ка сведения, что у тебя тут делается». Он говорит: «Я тебе ничего не дам». — «Почему?» — «Мы сами информируем Ильича». — «Если бы вы информировали, то он бы меня с этим мандатом к тебе не посылал. А вот я как раз от него только что и иду». — «Как хочешь, я тебе не дам сведений». Через два дня я докладывал Ильичу, он меня вызвал опять доложить ему. Я ему сообщил, что в Наркомпросе нам отказались дать. Он говорит: «А кто же отвечает за это дело?» Я говорю: «Отвечает, согласно декрету, Анатолий Васильевич Луначарский». — «Арестуйте его» (*Дувакин смеется*). Я говорю: «Хорошо вам сказать, я это едва ли сумею сделать». В это время открывается дверь, и входит Луначарский. «А, (приветливо так), хорошо, вы пришли, а я сейчас только поручил Виноградову вас арестовать». Тот спросил: «А в чем дело?» — «А вот ваши чиновники в Наркомпросе отказались ему давать сведения для меня, которые я ему поручил получить от ваших чиновников». Тогда Луначарский не стал оправдываться, он, как друг, знающий характер собеседника, сейчас же сказал: «А вы знаете, в Петрограде уже сделали бюст Радищева, и будем скоро отливать». Ильич меня спрашивает: «Нельзя ли отлить два экземпляра?» Я говорю: «Это все зависит от формы и если форму сделать кусковую, то можно и не два, а двадцать два — сколько хочешь можно отливать этих памятников». Тогда он говорит: «Анатолий Васильевич, значит, вы один отливаете для себя, для Петрограда, а второй экземпляр — для Москвы. И мы открываем в один день два эти памятника». Так что никаких арестов, конечно, и не происходило, только один разговор.

В.Д.: Ну, это понятно.

Н.В.: А памятник был привезен в Москву 3 сентября, а 30 августа, как известно, Ильич был ранен. 3-го автор этого бюста пришел ко мне, сообщил, что он привез нам бюст и хочет получить за него деньги. Я спрашиваю: «Где же этот бюст находится?» «Он, — говорит, — находится на Николаевском вокзале, — это вот теперешний Октябрьский, — на торговой платформе большущий ящик стоит единственный на всей платформе».

В.Д.: Кто автор?

Н.В.: Автор — скульптор Шервуд. Значит, я говорю: «А где же накладные на этот самый памятник?» «Накладные, — говорит, — в Наркомпросе. Мне сказали, что они вам передадут, когда откроют памятник в Петрограде». Я говорю: «Позвольте, ведь Ильич имел в виду открыть и там и тут. А вы хотите там открыть и только после этого нам передать накладные на этот памятник. Денег я вам платить не буду, мне не за что платить. У меня ни накладных, ничего нет. Так что я ничего не буду». Ну, он ушел. Я направился в Моссовет и доложил, что вот нам привезли, а выдавать не дают. Правда, я пошел не в тот же день, а несколько дней спустя. В Моссовете был управделами Серебряков, очень энергичный молодой человек, он мне говорит: «Знаешь что, поезжай на вокзал, спиши с этого ящика, что на нем написано, какие знаки и какие цифры». Это сделать было легко, потому что это был единственный ящик на всей платформе. Я все это списал и передал в Моссовет. Моссовет, получив

эту справку, вынес постановление: реквизировать товар, пришедший из Петрограда за такими-то номерами, что и поручается сделать Виноградову (*Дувакин смеется*). Значит, я с этим постановлением направился на вокзал, взял машину, рабочих и поехал. Приезжаю. Это решение предъявить некому — ни души на всей таможне. Я говорю ребятам: «Грузи. Значит, предъявим это решение при выезде из ворот, там наверняка охрана потребует от нас предъявления документа». Подъезжаем к воротам — там тоже никого нет. И, никому не предъявляя, мы увезли этот самый памятник.

В.Д.: А документ остался у вас? Уцелел?

Н.В.: У меня. До сих пор.